

Гомология в русской классической литературе.

Сергей Шавырин¹

¹Email: serge.shavirin@phystech.edu

АННОТАЦИЯ Существование смысловых параллелей в русской классической литературе может говорить о гомологии, то есть о родстве происхождения произведений, принадлежащих разным авторам. Это позволяет взглянуть на русскую литературу совершенно с иной точки зрения и провести значительно более глубокий анализ её идеологического содержания.

И иногда казалось мне, что город жив
И что вокруг миллион людей
И вновь и вновь не мог поверить я
Что *он один* и что вокруг
Лишь зеркала

А.В. Макаревич “Хрустальный город”

СОДЕРЖАНИЕ

Русская литература, как глобальное эссе.	1
Сложности общения и понимания.	3
А.С. Пушкин и его роман “Евгений Онегин”. . .	4
“Маленькие трагедии” Пушкина и Достоевский.	5
Проблемы личности.	5
Первая тема. Автономная этика.	5
Вторая тема. Не сотвори себе кумира.	6
Третья тема. Чувства.	7
Четвёртая тема. Законы хлебов.	8
Пятая тема. Жажда жизни сильней.	9
Проблемы этногенеза.	10
Шестая тема. Рождение.	11
Седьмая тема. Противоречия развития.	14
Восьмая тема. Смерть.	15

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА, КАК ГЛОБАЛЬНОЕ ЭССЕ.

Неживая природа функционирует строго по законам естественных наук – физики, химии, математики. Живые организмы несравнимо сложнее. Биологические процессы в клетках – синтез белков, транспорт и репликация ДНК не могут быть объяснены никакими физическими законами на современном уровне развития науки и пока могут рассматриваться как некое чудо. Существование и развитие человеческого общества в целом и каждого человека в отдельности также не имеют отношения к естественным наукам и рассматриваются в рамках гуманитарных, социальных и психологических наук. Каждое отдельное общество или цивилизация живёт со своими традициями, верованиями и стереотипами, поэтому изучение принципов человеческого общества, ограниченное узкими рамками мировоззрения отдельного общества не может быть достаточно независимым и объективным.

Возможно, наиболее точным по отношению к общественным наукам мог бы стать некий внеземной разум, далеко ушедший в своём развитии, не имеющий и никогда не имевший никакого отношения к истории человеческих заблуждений. Так, наиболее точно описать и проанализировать жизнь отсталых племён, живущих в африканских странах или Полинезии мог бы современный европейский или американский учёный социолог.

Ещё никто строго не доказал существование или отсутствие “бога”, некоего высшего сверхразума, способного, подобно системному администратору, контролировать жизнь на Земле. Среди тех, кто допускает его существование не найдётся и двух людей, которые определяют этот термин одинаково. Мне, например, очень симпатичен тип “внеземного разума”, описанный Станиславом Лемом в романе “Солярис”. Если наш мир представляет собой большую математическую модель или игру типа MMORPG, то наверняка он был кем-то создан по строгому плану и принципам и в нём есть свой системный администратор. При этом большие возможности у администратора вмешиваться в процесс игры не отменяют необходимости подчиняться законам, по которым такая игра построена. Обыкновенно, целью существования персонажей в ролевых компьютерных играх является развитие. Можно предположить, что целью существования человека является развитие его души. Восточные религии определяют “душу”, как некую материально-независимую компоненту, матрицу или базу данных, которая может быть передана от одной жизни к другой с целью получения положительной обратной связи функции развития. Авраамические религии в общем не содержат такой возможности, хотя и не исключают её.

Существует множество литературных религиозных творений, претендующих на то, чтобы сформулировать принципы мироздания и практически все они противоречат друг другу. Вера во все времена была источником вражды и ненависти между людьми вплоть до массо-

Русская классическая литература

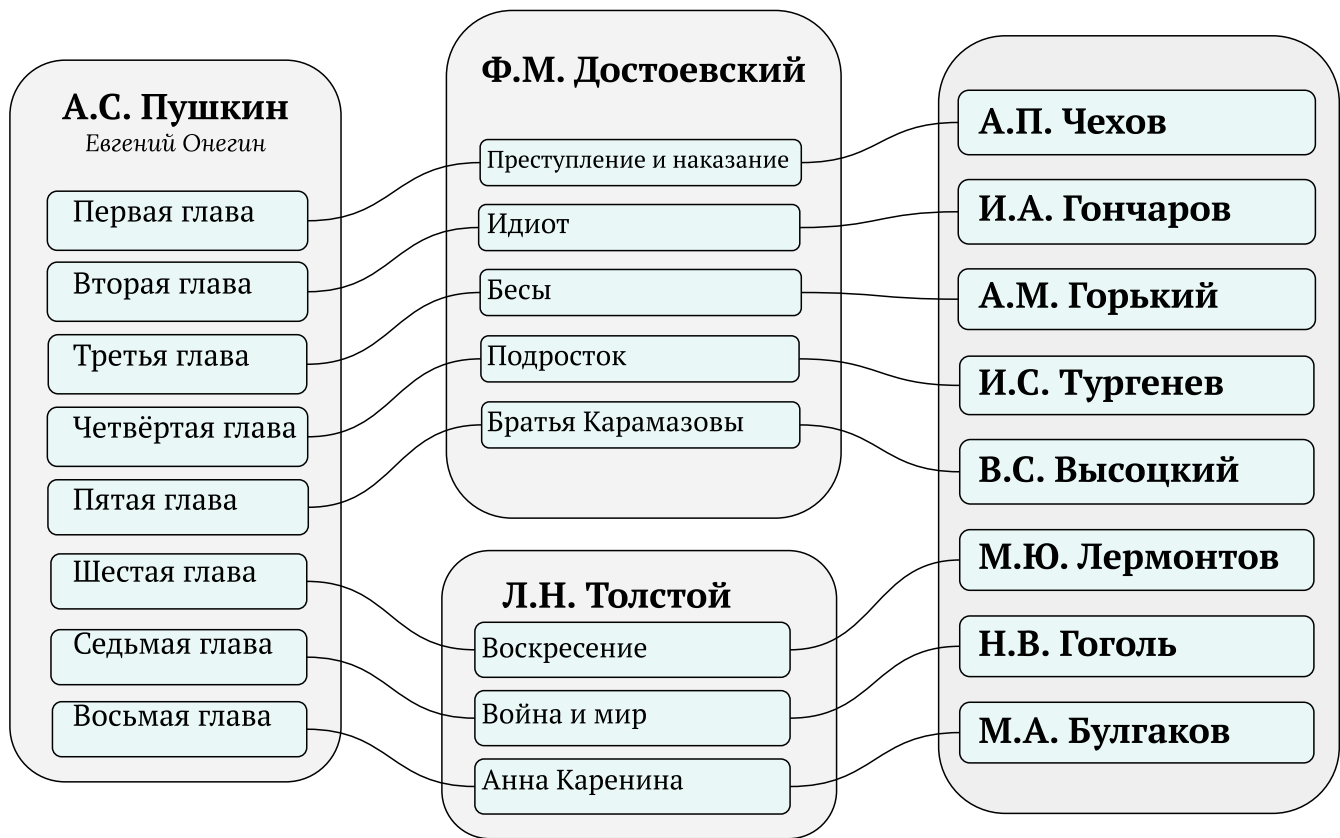

Рис. 1 Параллели в русской классике

вого истребления инакомыслящих и религиозных войн. Достаточно вспомнить веру в коммунизм. Если в такой ситуации некий высший разум решил что-то объяснить людям, то наверняка бы встретил враждебное к себе отношение. Некоторые исследователи “сравнительной религии” (напр. Ниниан С্মарт) отмечали, что конвергенция религий в принципе не возможна даже в рамках отдельной конфессии.

Существует ли способ как всё же создать такой социологический учебник “от создателя” чтобы не встретить вражды со стороны тех, кого он собирает “осчастливить”? Моим предположением является гипотеза, что истинная ценность и содержание такого учебника может быть понята, только когда он уже завершен и все его части в виде своеобразной мозаики легли на свои места. При этом каждый отдельный писатель, создавший свою часть проекта, был полностью убеждён в свободе своего творчества и не мог даже предположить, что творит по какому-то глобальному плану и фактически под диктовку и по заданию сверхразума. В эффекте гипноза ничего

необычного нет. Локальные литературные критики могли бы отнести такое творчество к проблемам общества в котором произведение было создано и отнюдь не к всеобщим глобальным принципам человеческого мироздания. Известное понятие “пророка” определяет человека, который говорит не от своего имени, а по “заказу свыше”.

В объектно-ориентированном подходе, любой объект может быть определён по набору присущих ему свойств. С этой точки зрения природа “бога” или сверхразума может быть описана в результате изучения его творчества. Предположим где-то было найдено анонимное произведение и мы ничего не знаем о его авторе. Если прочитать его и проанализировать, вполне можно создать определённое представление о том кто это написал. Именно так изучала Татьяна в седьмой главе “Евгения Онегина” характер героя, читая его книги.

Везде Онегина душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

Если автор пишет в виде расширенного эссе о тех проблемах, которые его волнуют, то такой путь не может привести к вражде на основании расовой, этнической или религиозной принадлежности, поскольку не имеет ни к кому прямого отношения, за исключением его самого и в то же время такое творчество может быть интересно и понятно любому. Эссе не требует кому-то нравиться, кого-то к чему-то призывать, агитировать или создавать сообщества. Высказывание своей точки зрения на любую тему никогда не возбранялось, особенно если автор не имеет ни кому никакого отношения. Нужно вспомнить, что царь Давид согласно Библии выбрал своей столицей Иерусалим – город не принадлежавший ни одному колену Израиля, Иван Калита сделал своей столицей Москву – маленький городок безо всякой истории, за который не стал бы биться ни один князь, а главным городом США стал город Вашингтон, не принадлежащий ни одному из американских штатов.

Первым, кто использовал темой своего творчества анализ самого себя был Мишель Монтень. В предисловии к своим “Опытам” он пишет:

Если бы я писал эту книгу, чтобы снискать благоволение света, я бы принарядился и показал себя в полном параде. Но я хочу, чтобы меня видели в моем простом, естественном и обыденном виде, непринужденным и безыскусственным, ибо я рисую не кого-либо, а себя самого.

Это созвучно посвящению Пушкина в “Евгении Онегине” :

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,

Монтень настаивает на объективности и полной откровенности своего повествования:

Мои недостатки предстанут здесь как живые, и весь облик мой таким, каков он в действительности, насколько, разумеется, это совместимо с моим уважением к публике. Если бы я жил между тех племен, которые, как говорят, и по-сейчас еще наслаждаются сладостной свободой изначальных законов природы, уверяю тебя, читатель, я с величайшей охотой нарисовал бы себя во весь рост, и притом нагишом.

На языке оригинала, книга Монтеня называется “Essais”, то есть “эссе”. Жанр “эссе” в его современном значении обязан своим происхождением именно Монтеню. Тот, кто может глубоко проникнуть в самую суть своего “Я”, становится мудрецом и ему не нужно бояться открыто и с равнодушием говорить о результатах своего познания. И главный акцент своего творчества “иной разум” мог бы лучше всего выразить в виде главного эпиграфа ко всему “Евгению Онегину”:

Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках, — следствие чувства превосходства, быть может мнимого.

Частное письмо на французском языке отражает мнение “света” по поводу какого-то человека, общественную позицию. Пушкин не любил общество и его нравы, а поэтому в посвящении “не мыслит гордый свет забавить”. Мнение света о “гордости” и “тщеславии” может не иметь никакого отношения к реальным качествам человека. Эпиграф и посвящение разделяют “свет” и “душу, исполненную мечты”. Тот, к кому обращается писатель, или не принадлежит к “обществу”, или не уважает его мнение или “общество” не уважает мнение адресата.

Мозаичность и единство творчества множества писателей напоминает “Хрустальный город” Андрея Макаревича. У всех произведений один автор и в то же время этот автор использует разных писателей для отражения своих идей в зеркалах, возможно отчасти кривых... Главным доказательством аутентичности такого сверх-автора должно быть наличие глобальной самосвязанности или параллелей между всеми произведениями. Прямым аналогом таких параллелей может быть программа BLAST, Basic Alignvent Search Tool, в разработке которой я лично принимал участие, когда работал в NCBI, National Center for Biotechnology Information. Целью программы BLAST является поиск гомологов белков или нуклеиновых кислот. Гомологами в биологии называются части сравниваемых организмов, имеющие общее происхождение. Гомология противопоставляется аналогии, при которой органы не имеют общего происхождения, но имеют сходство. Применительно к литературе, речь должна идти как раз не о внешнем сходстве тем и проблематики произведений, а об общем происхождении, о том, что они созданы одним автором и по одному плану.

Сложности общения и понимания.

Существование глобальных смысловых и идейных параллелей в русской литературе можно сравнить с рисунками на плато Наска. Как были созданы эти рисунки сегодня никто объяснить не может. Подобные феномены, вместе с узорами на полях, традиционно рассматриваются в русле тематики “Следы богов”. В книге А.Т. Белоконов “Пустыня Наска. Следы Иного Разума” показано, что и рисунки на плато Наска, и большинство рисунков на полях, принципиально не могли быть созданы методами доступными на сегодня. Складывается впечатление, что кто-то, используя графическую компьютерную программу, рисует картинки на поверхности земли, как на экране своего монитора, причём только ради развлечения. Для серьезного научного коллектива “просто так”, должно быть самым парадоксальным и загадочным объяснением подобных артефактов. Тайнственный художник должен при этом неплохо разбираться в аналитической геометрии и нелинейной алгебре. “Жизнь в аду замороженной математики”, — такое сравнение дал Джеральд Хокинс

своим ощущениям от пребывания в пустыне Наска. Белоконь убеждена, что наличие подобных художеств может быть объяснено только сосуществованием здесь, на Земле, вместе с людьми, некоего “иного разума”, далеко ушедшего в своём развитии. Однако все непонятное вызывает беспокойство, нарушает привычные представления о мироздании, угрожает той системе знаний, на которую потрачено много лет. Особенно если кажется, что потолок знаний достигнут, незыблем, дает стабильность, успокоенность и в конечном итоге, благополучие. Поэтому возникает раздражение, вызванное невозможностью понять что-то, исходя из представлений о мире, ограниченным текущим уровнем развития науки и своего места в этом мире.

Очевидно, что при общении с “иным разумом”, далеко ушедшем в своём развитии, может возникнуть множество проблем. Для иллюстрации, можно привести Чилболтонский феномен. Три года подряд на пшеничном поле рядом с Чилболтонской обсерваторией в Южной Англии на полях были документально зарегистрировано появление нескольких изображений. Первый рисунок появился в 2000 году, но он не выделялся из ряда сложных пиктограмм предыдущих лет. Это была типичная для такого вида художеств, сложная, гармоничная и математически заданная структура, состоящая из двух симметрично расположенных фрактальных участков. На следующий год, в августе 2001 года возникли два рисунка, которые стали сразу сенсацией мирового масштаба. Эти рисунки принципиально отличались от всего, что было обнаружено за всю историю наблюдения феномена. Во вторник, 14 августа появилось изображение, получившее название “лицо”. Второй рисунок появился 20 августа 2001 года и получил название “двоичный код”. В этом рисунке был опознан аналог земного послания, отправленного в космос 16 ноября 1974 года в направлении звёздного скопления M13. Ровно через год, 14 августа 2002 года опять вблизи от Чилболтонской обсерватории был обнаружен новый рисунок. Вместе со стилизованным изображением “серого” инопланетянина, как они представлены в сериале “Секретные материалы”, там был изображён стилизованный компактный диск, на котором по спиральной линии из пшеничных колосьев, была выполнена амплитудная модуляция, кодирующая самый распространенный набор международных символов ASCII. В результате на кукурузном диске можно было прочитать фразы на английском языке. Ирония ситуации заключается в том, что в этом псевдопослании пародировались стереотипы и технические возможности людей на рубеже 21 века и вместе с этим, для нанесения изображения на пшеничное поле использовалась технология о которой сегодня ничего не известно.

Комментируя чилболтонские послания, А.Ф. Пугач писал: “Мы ищем в космосе планеты, похожие на Землю, формы жизни — только похожие на земные, общаться с внеземными цивилизациями хотим языком радиоволн, а ответ хотим получить только в науковоспринимаемой форме. Мы хотим навязать космосу свою манеру обще-

ния, заставить тех, кого мы так ищем, играть по нашим правилам, не понимая того, что космос давно говорит с Землей своим, эзоповским, языком”. Детальный анализ того, как был выполнен рисунок на пшеничном поле, с абсолютной точностью исключает какую бы то ни было рукотворность этого феномена. В частности, невозможно просто согнуть стебель пшеницы, при этом его не сломав. Особый интерес представляют собой рисунки призраки, созданные зелеными стеблями растений на общем желтом фоне, поля проявляющиеся только после того, как созревшая культура скошена.

А.С. Пушкин и его роман “Евгений Онегин”.

Одним из самых парадоксальных русских писателей является Александр Сергеевич Пушкин. Его произведения используют язык фантастической точности и математической гармонии. Нескольких строк, найденных на оборванном клочке бумаги, достаточно, чтобы подтвердить авторство его стихов. Если смотреть на творчество Пушкина поверхностно, его произведения лишены особенной глубины, строгого философского наполнения и содержат в себе достаточно лёгкие темы. Но такое относительное спокойствие я бы сравнил с глазом у тайфуна, небольшого пространства, находящегося в самом центре стихии.

Когда я изучал гениального поэта в школе, его стихи не произвели на меня большого впечатления. Меня никогда не привлекала строгость и точность языковых форм как самоцель. В то же самое время я знал наизусть практически всё творчество Высоцкого, обращавшегося с языком достаточно вольно, мог наиграть любую его песню на гитаре, и иногда выступал с ними на концертах. Каждая песня Высоцкого — это некий мини спектакль, где человек, попадает в критические, исключительные условия, когда нужно решать острые и горячие проблемы здесь и сейчас. Практически всё, что описывал Высоцкий, может произойти в действительности. Благодаря его песням, даже не побывав в таких ситуациях, можно прочувствовать их на себе. То, о чём писал Пушкин, находится в идеализированном пространстве, достаточно далеко от реальной жизни и суть его философских отступлений совсем не так очевидна, как это может показаться на первый взгляд. Это сложная для понимания информация, требующая тщательного и детального изучения, взгляд умудрённого опытом философа, смотрящего на окружающий мир с большой долей критики и иронии. У Пушкина не было и не могло быть большого жизненного опыта и вместе с этим существует многотомная энциклопедия пушкинского творчества. Откуда он взял всё это?

В центре творчества Пушкина находится роман “Евгений Онегин”. Этот роман состоит из восьми глав. Детальному анализу в частности тематики этого романа посвящена моя книга “По ту сторону Пушкина”. Можно показать и я постараюсь это сделать, что первые пять глав “Евгения Онегина” соответствуют пяти главным романам Достоевского, причём взятым в хронологическом порядке их написания. Первая глава “Евгения Онегина” соответствует первому роману Достоевского “Преступ-

ление и наказание”, вторая глава соответствует роману “Идиот” и так далее. Последние три главы пушкинского романа соответствуют трём книгам Льва Толстого. Шестая глава “Евгения Онегина” соответствует роману “Воскресенье”, седьмая роману “Война и мир”, а восьмая роману “Анна Каренина”. Рождение, оно же воскресение, жизнь и смерть. Каждую главу “Евгения Онегина” можно рассмотреть в качестве расширенного эпиграфа к одной из тем, стоящих в основе русской классической литературы. Параллели в творчестве самого творчества Пушкина и между его произведениями и творчеством других писателей могут дать ключи, требующиеся для расшифровки этой головоломки и как это принято говорить в научно-фантастической литературе получения долгожданного контакта. Очевидно, если “Иной разум” способен рисовать пшеницей на полях, то от него не нужно ожидать получения аналоговых радиосигналов и судя по постоянно появляющимся новым рисункам, их автор всегда находится on line.

В посвящении к Евгению Онегину, Пушкин пишет, что передаёт читателю собрание “пёстрых глав”, но как бы пестры не были эти главы, они имеют общую логику. В статье “Маленькие трагедии” Пушкина, как план-схема главных романов Достоевского.” я попытался доказать, что почти за полвека до того, как Достоевский написал свои книги, Пушкин в этих мини пьесах представил план всего творчества Достоевского. Анализ этой гомологии помогает определить первые пять тем учебника, имеющих отношение к проблемам каждого человека в отдельности.

“Маленькие трагедии” Пушкина и Достоевский.

Не пересказывая полностью свою статью про гомологию “Маленьких трагедий” и главных книг Достоевского, я коротко напомним её основное содержание.

- **“Моцарт и Сальери”** соответствует роману Достоевского “Преступление и наказание”. Главная тема, которая здесь рассматривается это природа объективного нравственного закона. Можно ли совершить преступление “по совести” если при этом спасаешь всё человечество или просто делаешь большое количество добра? Стоит ли “мировое спасение” крови одного замученного ребёнка, даже если этот ребёнок “божий сын”?
- **“Каменный гость”** соответствует книге “Идиот”. Главная тема здесь “Не сотвори себе кумира”. Кумир или воплощенная в отвлеченном и неживом, но бессмертном образе идея значительно сильнее живой и чувствующей реальности. Дон Гуан легко победивший живого командора не способен противостоять его образу, воплощённому в камень. Чувства Анастасии Филипповны к своей мечте воплотившейся в князе Мышкине в конечном итоге приводят к трагедии.
- **“Пир во время чумы”** соответствует роману “Бесы”.

Часто обращаясь к стихотворению Баратынского “Пир”, Пушкин отмечает, что “в безжизненные лета” душа согревается лишь живым утешением пиров. Даже если это “Пир Валтасара”. Однако после того как безумный “перебесится”, приходит очищение.

- **“Скупой рыцарь”** является лейтмотивом книги “Подросток”. Аркадий утверждает что “деньги – это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество”, что деньги всемогущи и “сравнивают все неравенства”. Однако именно идея власти денег в “Подростке” очень глубоко анализируется и критикуется.
- В **“Сцене из Фауста”** сидящий на берегу моря Фауст не может просто скучать, как ему советует Мефистофель и поэтому просто от скуки решает затеять кораблекрушение. Живое часто поступает очень нелогично лишь для того, чтобы декларировать свою жизнь и показать законам хлеб, где зимуют раки.

ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ.

Первая тема. Автономная этика.

В самом общем виде под “автономной этикой” понимают систему морали, отрицающую всякую зависимость нравственности от каких-либо внешних по отношению к ней принципов, религиозных, культурных, социальных предпосылок. Считается, что основы такой этики были заложены в книге Канта “Критика практического разума”, где он утверждал: “Поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы”. Что же является критерием истины? Как именно можно отличить в жизни “добро” от “зла” в самом высшем, объективном смысле, на уровне “божьего суда”, ведь если такого суда нет, то всё дозволено? На эту тему есть известная дилемма Евтифрона.

Выбирают ли боги добро, потому что оно благое, либо же добро — благое, потому что выбрано богами?

В первом случае “добро” существует независимо от богов. Во втором случае разные боги могут выбрать разные представления о морали и при этом им придётся пользоваться или своим абсолютным авторитетом или строго доказывать свою правоту перед другими богами. Апология Евтифрона демонстрирует факт, что никакая мораль и этика не может зависеть ни от какой религии. И любая религия декларирующая строгие принципы нравственности ошибается. Это утверждение является центральным в “аналитической этике”, родоначальником которой был Джордж Эдвард Мур. По его мнению “автономная этика” не может быть обоснована ничем кроме реальной жизни.

Первая глава “Евгения Онегина” начинается с размышлений Евгения о том, что тот должен проявлять искусственное благонравие к умирающему дяде. Является ли

такое лицемерие “добром”? Вопрос не вполне однозначен. Его успехи с женщинами также высокой моралью назвать трудно, хотя общество относится к таким успехам вполне спокойно. Жизнь в которой всё возможно и доступно до смерти надоедает Евгению и иначе быть не может если жизнь настолько примитивна и однообразна.

В книге “Преступление и наказание” главный герой мучается вопросом можно ли переступить через “иные препятствия” для достижения великих целей и главное – позволит ли ему его совет прогнуться и взять результаты преступления. В этом Родион Раскольников прямая противоположность Евгению Онегину, который умирает от скуки поскольку ему всё дозволено. Известная заповедь “не убий” вполне однозначна, однако в реальной жизни не всё так просто. Убийство двух женщин Раскольниковым однозначно рассматривается как “зло”, но если бы Дуня, его сестра, застрелила Свидригайлова, то любой суд вместе с общественным мнением её бы оправдал. Так ему, он это заслужил. И в то же время самоубийство Свидригайлова считается страшным грехом. Когда Соня переступила через “иные препятствия” и пожертвовала собой пойдя на панель ради спасения своей семьи, это выглядит вполне естественным и классифицируется как “добро”. Однако для общества она навсегда и неизлечимо становится “падшей женщиной”, что почти равнозначно самоубийству.

Многие произведения Антона Павловича Чехова ставят героев перед неоднозначными ситуациями. В пьесе “Вишнёвый сад” для спасения состояния и имени главной героини предлагается вырубить сад, разбить землю на участки и отдавать их в аренду дачникам. Любовь Андреевна Раневская сильно удивлена таким предложением: она не может представить, как можно вырубить вишнёвый сад и отдать своё имение, где она выросла. Милая старая жизнь социалистической России после “перестройки” неизбежно должна быть уничтожена в угоду капиталистическим отношениям. Разрушение старого общества во время очередной революции всегда включает необходимость переступить через “иные препятствия” ради построения нового мира и часто это происходит в результате естественного развития общества и не отражает злую волю каких-то отдельных “революционеров”.

В рассказе “Дама с собачкой” для того, чтобы двум близким и любящим друг друга людям соединиться требуется разломать две семьи, оставив детей без отца. Стоит ли такой разлом полученного в результате счастья?

Неоднозначными вопросами этики знаменита прежде всего немецкая классическая литература. Именно здесь возникает образ учёного, Фауста, заключившего договор с дьяволом чтобы получив неограниченные возможности лучше познать мир и самого себя. По мотивам книги Гёте Жуковским была написана поэма “Двенадцать спящих дев” сильно повлиявшая на творчество Пушкина и прежде всего на его первую поэму “Руслан и Людмила”. Немецкий поэт Готфрид Бюргер создал балладу “Ленора”, несколько раз переведённую Жуковским и часто упоминающуюся Пушкиным. Например, в эпиграфе к пятой

главе Евгения Онегина. Этическая неоднозначность творчества Ницше хорошо известна. Философский роман “Так говорил Заратустра” всегда вызывал неоднозначные рецензии и никого не оставлял равнодушным. Немецкий поэт Гейне был любимым автором немецкого философа Маркса.

Автономная этика исключает возможность создания строгого набора заповедей или “уголовного кодекса нравственности” следование которому ведёт к самой правильной и благополучной жизни. Сам человек является создателем своей нравственности. И дело не в том, что если бога нет, то всё дозволено, а в том, что без строгого кодекса этики ситуация становится значительно более сложной. Вера в возможность существования ограниченного набора заповедей для жизни — это лишь “Первый снег” по которому “горячность молодая и жить торопится и чувствовать спешит”. В частности проблемы отношений мужчины и женщины могут быть значительно сложнее, чем “наука страсти нежной, которую воспел Навон”.

Вторая тема. Не сотвори себе кумира.

Вторая заповедь поднимает тему о кумирах. Часто реальная действительность имеет значительно меньшее значение чем отвлечённый кумир, когда реальность полностью заменяется суррогатными понятиями и объектами. Существует огромная разница между реальным человеком Лениным и полубогом, созданным после революции 1917 года в России. Объективное рассмотрение этого человека оказало очень сильное влияние на распад коммунистической идеологии в СССР Правда теперь из этого человека сделали апофеоз зла, что также подходит под определение (анти) кумира. В результате наиболее объективным жизнеописанием Ленина оказывается книга, написанная независимым американским писателем не склонным творить из него ни бога, ни дьявола.

Композиция “Весна и Осень” сюиты “Метель” Свиридова представляет одну и ту же музыкальную тему в двух формах, создающих совершенно разное настроение. Эта композиция, как я показал, имеет отношение ко второй главе “Евгения Онегина”. Оригинальная художественная окраска мелодии является её главным достоинством, но в отличие от изобразительного искусства, наука не допускает чувственной окраски и любая тема определяется однозначно.

Эпиграфом ко второй части “Евгения Онегина” является словесный каламбур из двух восклицаний. Одно из произведения древнеримского поэта Горация “Сатиры”, “О, Rus!”, а второе просто “О, Русь!”. По звучанию оба восклицания почти идентичны, однако по смыслу это совершенно разные понятия. Смысл такого странного эпиграфа можно понимать и с точки зрения “сотворения кумиров”. Два различных образа объекта могут соответствовать одной и той же реальности. В одной древнеиндийской притче группа слепых людей (или людей, находящихся в темноте) трогает слона, чтобы понять, что он собой представляет. Каждый из них трогает разные части его тела, но при этом только какую-то одну из них,

например, бок, хобот или бивень. Затем они описывают свои впечатления от прикосновений друг другу и начинают спор, поскольку каждый описывает слона по-разному, при этом на самом деле ни одно из описаний не является верным. В случае древнеиндийской идеи о реинкарнации, два разных человека могут обладать одной и той же душой, а относительно молодой современный народ может быть воспроизведением какого-то народа переставшего существовать в далёком прошлом.

Приехав в русскую деревню, Онегин попадает в сказочный мир патриархальных традиций и мечтательной атмосферы, “приют задумчивых дриад”. Сразу вспоминается строки из “Руслана и Людмилы” –

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;

Понятно, что такое восприятие русской деревни значительно отличается от реальности:

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.

Во втором большом романе Достоевского “Идиот” главным героем выступает слабый болезненный князь с мышиной фамилией и звучным именем “Лев”. Одно из значений слова “идиот” — это “болван”. В словаре Даля “болваном” называют истукана, статую, идола, языческого изваянного бога, что вполне соответствует теме “Не сотвори себе кумира”. В начале книги “Идиот”, князь Мышкин появляется в виде полуглупого “бедного родственника” и отношение к нему окружающих складывается в соответствии с этим имиджем. Резкое изменение отношения к Мышкину возникает сразу после того, как оказывается, что он владелец большого состояния, полученного по завещанию от умершего родственника. Сам Мышкин, его фактическое содержание, при этом остаётся неизменным: меняется только образ. Когда князь предстаёт при первой встрече перед Настасьей Филипповной как есть, то она принимает его за слугу. И только потом, отождествив Мышкина со своими давними мечтами “о прекрасном принце”, она возводит его в свои кумиры. При этом реальный человек имеет к самой мечте лишь отдалённое отношение. Реального и чувственного из плоти и крови

Рогожина она в упор не видит: такой человек ей не нужен. Для Мышкина, Настасья Филипповна тоже образ, он видел её “где-то во сне”, реальная женщина ему не нужна и всё это приводит к трагедии.

Русским писателем, творчество которого посвящено раскрытию темы о кумирах был Иван Александрович Гончаров. В своём центральном произведении “Обломов” он рисует человека живущего только своими мечтами о том как надо жить и что делать. Реальная жизнь его совершенно не интересует. До конца романа, он не может передвинуть один диван. Такое утрированное и максималистичное представление о человеке хорошо иллюстрирует идею о “кумирах”. Другим примером отвлечённого мечтателя является герой произведения “Обрыв” с характерной фамилией “Райский”.

В международной классической литературе главным любителем кумиров является “Дон Кихот” из одноимённого произведения испанского писателя Возрождения Сервантеса. Другой испанский писатель и философ “Эразм Роттердамский” известен своим сатирическим произведением “Похвала глупости”, главную идею которого иллюстрируют строки из стихотворения Булата Окуджавы:

Дураком быть выгодно, да очень не хочется
Умным очень хочется, да кончится битьём

Как тут опять не вспомнить название второго романа Достоевского “Идиот”.

Третья тема. Чувства.

Что может быть прекраснее искреннего выражения чувств? Любой спектакль, фильм или шоу направлены на то, чтобы вызвать те или иные чувства у зрителя и чем эффективнее это происходит, тем качественнее считается представление. Эпиграфом к третьей главе Евгения Онегина Пушкин взял цитату из поэмы Мальфилатра “Нарцисс или остров Венеры”.

Она была девушка, она была влюблена

И действительно:

За что ж виновнее Татьяна?
За то ль, что в милой простоте
Она не ведает обмана
И верит избранной мечте?
За то ль, что любит без искусства,
Послушная влеченью чувства,
Что так доверчива она,

Однако, многие умельцы сознательно и целенаправленно управлять чужими чувствами могут направить целые народы на преступления. Адольф Гитлер взывая к своей нации “Немцы... вы величайший народ в мире... вы будете править миром” смог свести с ума и превратить целый народ в оружие массового уничтожения. Врождённая и естественная способность чувствовать может настолько исказить действительность, что ни о какой

объективности суждений не будет и речи. Главным механизмом большинства революционеров и вероучителей было воздействие на чувства общества с целью достижения каких-то специфических целей. Коммунистическая идеология в России возникшая в результате революционного вдохновения масс могла просуществовать более семидесяти лет только благодаря агитации и пропаганде. Когда речь идёт о науке, никакие чувственные факторы не должны влиять на логику рассуждений, даже если предметом изучения являются чувства и общественные процессы.

Однако что если человек полностью лишён способности чувствовать и его душа спокойна и холодна ко всему вокруг, он не жизнеспособен. Эту тему иллюстрирует Николай Ставрогин из третьей книги Достоевского “Бесы”. Именно поэтому глава “У Тихона”, которую писатель хотел включить в основное содержание книги, никак сюда не вписывается. В этой главе Ставрогин проявляет своё чувственное отношение к совершённом преступлению и, в результате, его самоубийство может рассматриваться отчасти как следствие угрызений совести за совершённое. Но в том то и весь смысл книги, что Ставрогин не может испытывать никаких угрызений совести и ему совершенно безразлично что и как он совершил. А самоубийство ещё раз подчёркивает, что живое существо не способное чувствовать, просто теряет всякое желание жить. Ставрогин везде пробовал свои силы и как он пишет Лизе “она оказалась беспредельною”. Николай вешается со спокойным сознанием и всё обдумав. “Всё означало преднамеренность и сознание до последней минуты.”

Тему Ставрогина прямо продолжает Клим Самгин из книги Горького “Жизнь Клима Самгина”. Герой Горького обладает широкой эрудицией и знакомится со многими разными идеями и проявлениями чувств. Однако его строго логический ум не может следовать чужим идеям и чужим чувствам. Он прекрасно видит, что за высокими словами и действиями может стоять что-то совсем простенькое и не особенно интересное. Лживые и банальные чувства которые он встречает повсюду, его отталкивают, а найти или создать что-то своё он не способен до конца книги... Которая осталась недописанной буквально на полуслове... Вместе со смертью Максима Горького. Всё творчество писателя посвящено описанию роли чувств в мире. Например, в “Песне о Буревестнике”, только маленькая, но очень смелая птица является “пророком победы” и “демоном бури” над “ревушим гневом морем”. В книге “Старуха Изергиль” Данко выводит людей на свет держа в руках своё живое, бьющееся сердце, вынув его из груди, а гордый и бесстрастный Ларра, поставивший себя выше всех, воспринимает свою жизнь страшнее смерти, поскольку он не может умереть (как Ставрогин) и должен вечно скитаться в одиночестве.

Особенная эмоциональность обыкновенно приписывается французам. Герои Пушкина включая Татьяну Ларину и её мать воспитывали свои чувства на французских романах. Однако о чувствах пишут все. Как тут не вспомнить часто упоминаемых Пушкиным итальянцев Петрарку и

Торквато Тассо. Наиболее близким к Ставрогину в мировой литературе можно назвать доктора Фауста из поэмы немецкого писателя Гёте. “Отрицательным русским Фаустом” называл Ставрогина поэт и философ Вячеслав Иванов.

Четвёртая тема. Законы хлебоб.

В четвёртой главе “Евгения Онегина” происходит диалог между строгим и рассудительным Онегиным и мечтательной девушкой. Евгений спокойно и логично объясняет Татьяне что её чувства неуместны и что она должна “учиться властвовать собой”. Эпиграфом к четвёртой главе Пушкин взял фразу из книги Мадам де Сталь “Заметки об основных событиях Французской революции”. Там швейцарский банкир Жак Неккер обращается к эпатажному герою французской революции Габриелю Мирабо: “Вы слишком умны, чтобы не признать рано или поздно, что нравственность в природе вещей”. Спокойный и рациональный министр финансов Неккер был прямой противоположностью экстравагантного Мирабо, заработавшего себе широкую известность на скандалах, судах и популярных буклетах, имевших широкое хождение в народе. Лишённый финансовой дееспособности, проведший несколько лет в тюрьмах, совративший не одну женщину, изгнанный из дворянского собрания, Мирабо стал идеальным выразителем настроений “третьего сословия”, буржуазии. Его талант к ярким и вдохновляющим речам нанёс такой удар по феодальной системе Франции, после которого она уже никогда не смогла оправиться. Некоторые считают, что если бы Мирабо не было, то не было бы и Великой Французской революции, хотя его фактическая роль в истории Франции всегда подвергалось жёсткой критике.

В маленькой трагедии “Скупой рыцарь” возникает противостояние отца сделавшего целью своей жизни служение деньгам и сына мечтающего только о победах на рыцарских турнирах где его могут легко убить. Монолог Скупого рыцаря является своеобразным лейтмотивом книги Достоевского “Подросток”. Молодой человек Аркадий придумавший идею, как служить деньгам наподобие Скупого рыцаря противостоит его реальному отцу Версикову, пространно рассуждающему о “золотом веке” и без особых угрызений совести теряющему несколько состояний несмотря на то, что его близкие родственники сильно нуждаются в деньгах.

В романе Тургенева “Отцы и дети” главный герой занимается наукой и с усмешкой относится ко всем проявлениям чувственности, однако именно внезапно возникшая любовь к эффектной и богатой вдове полностью нарушает его привычный внутренний мир. Находясь под сильным впечатлением от резкого отказа женщины, развившей его собственную идею насмешки над чувствами, он теряет всякую бдительность и умирает случайно заразившись смертельной болезнью. При этом доказываемся одновременно всемогущество природы и в то же время огромное влияние, которое оказывают на законы природы человеческие чувства. Во многих произведениях

Тургенева чувствительный мужчина страдает от холодности и бесстрастности эмансипированной женщины. Чувства и всё что с ними связано оказывается “дымом” в одноимённом романе, когда бросаясь навстречу взаимному сильному чувству, главный герой готов пустить свою прежнюю жизнь под откос. Эпиграфом к последнему и самому большому своему роману “Новь”, встретившему в обществе серьёзную критику, Тургенев взял следующее наблюдение агронома:

Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом

Если речь идёт о глубинных общественных явлениях или природных законах, а также если что-то нужно начинать с чистого листа, требуется очень глубокий и фундаментальный подход. Попытка декабристов в 1825 году как-то изменить ситуацию в России была настолько же примитивной, как и история графа Нулина, рассказанная Пушкиным в одноимённой шуточной поэме.

По моему мнению одним из писателей, кто лучше всего рассмотрел место денег в нашем мире был американец Джек Лондон. В стране “золотого дьявола” состояние и доход имеют первостепенное значение и в его книгах, во время золотой лихорадки, люди стремятся на Далёкий Север, чтобы разбогатеть. При этом, как и в любом походе, они попадают в ситуации, когда деньги не имеют никакого значения. И уже не важно стал человек в результате богатым или нет, после возвращения он на всю жизнь оставит себе воспоминания о жизни, где законы хлебов бессильны.

Туда не занесет
Ни лифт, ни вертолет,
Там не помогут важные бумаги.
Туда, мой друг, – пешком,
И только с рюкзаком,
И лишь в сопровождении отваги.
Юрий Визбор “Третий полюс”.

Пятая тема. Жажда жизни сильнее.

В романе Гёте “Фауст”, главный герой заканчивает свою жизнь на берегу моря пытаясь построить плотину, защитив плодородную землю от морского прилива, видя в этом глубокий смысл. В маленькой трагедии “Сцена из Фауста”, сюжету которой нет аналога в оригинальном произведении Гёте, Фауст сидит вместе с Мефистофелем на берегу моря и скучает. У Пушкина с этого начинается поэма:

Тогда ль, как погрузился ты
В великодушные мечты,
В пучину темную науки?
Но — помнится — тогда со скуки,
Как арлекина, из огня
Ты вызвал наконец меня.

Фауст Пушкина страдает от нечего делать. Тот, кому доступно всё и ничего не нужно должен быть самым

несчастливым человеком, поскольку ему некуда идти и некуда стремиться. Мефистофель замечает, что скучают все, и что ничего особенного в этом нет. Однако Фауст скучать “как все” не может. Ему обязательно нужно что-то сделать. И просто от скуки он с помощью дьявола устраивает кораблекрушение, при котором должны погибнуть и “бочки злата” и “сотни три мерзавцев”, а также заодно и “модная болезнь”.

Ситуация иллюстрирует один из основных законов существования и развития живых существ – они не могут жить просто подчиняясь строгим законам хлебов. Всецело этой теме посвящена повесть Достоевского “Записки из подполья”. Главный герой объясняет, что если бы была изобретена такая система жизни по которой можно было бы определить самый правильный и оптимальный путь, когда всю жизнь можно рассчитать и запланировать, то никто бы не захотел так жить. Народы СССР не захотели жить подчиняясь плановой экономике.

Ведь глуп человек, глуп феноменально. То есть он хоть и вовсе не глуп, но уж зато неблагодарен так, что поискать другого, так не найти. Ведь я, например, нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того ни с сего среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен с неблагородной или, лучше сказать, с ретроградной и насмешливой физиономией, упрет руки в боки и скажет нам всем: а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить!

Живое разрушает целесообразие закона хлебов и часто с единственной целью продемонстрировать, что оно живое. Это нецелесообразие может иллюстрировать травинка, пробивающая асфальт и тем самым разрушающая работу строителей дороги. Практически всё творчество Владимира Высоцкого посвящено раскрытию этой темы. Можно вспомнить что сам он как поэт и бард стал особенно широко известен после создания песни “Охота на волков”, где загнанный охотниками волк вырывается за флажки, хотя он не должен этого делать.

Я из повиновения вышел
За флажки – жажда жизни сильнее!
Только сзади я радостно слышал
Удивленные крики людей.

Каждая песня Высоцкого — это мини спектакль, когда главный персонаж нарушает законы “всеобщего спокойствия” и ведёт себя наперекор обыденности, не так как все и не так, как “надо”. Канатоходец в песне “Он не вышел ни званьем, ни ростом” идёт по канату без страховки, подвергая при этом свою жизнь большой опасности без особой материальной выгоды для себя, как и альпинисты, покоряющие высоты “по вертикали”. Прыгун в высоту прыгает с “неправой правой”, хотя правой должна быть левая нога. Прыгун в длину может нормально прыгать только нарушив правила и заступив за черту. Штангист

видит смысл победы не в том, чтобы просто поднять штангу – такой триумф подобен поражению, а в том, чтоб совершив движение с размаху штангу бросить на помост. Обыкновенные правила соревнований нарушает четвёртый бегун “из первачей”. Ему не нужен “лакомый кусок”, как первому и “лавровый венок” как второму. К тому же он может сбросить темп перед финишем и даже сбросить с себя майку. И так далее.

Пятая заповедь из Библии гласит что нужно чтить своего отца. Центральным событием пятой книги Достоевского является убийство отца его сыном или точнее его детьми, поскольку каждый из них внёс свой вклад в совершение этого преступления. Но если детально проанализировать книгу, то оказывается, что у каждого из участников этого события были вполне реальные и оправданные причины “переступить через флажки”. Книга включает множество примеров, когда человек искренне хочет по тем или иным причинам нарушить “закон хлебов”. Например, Лиза полностью всем обеспеченная, но прикованная к инвалидному креслу только и мечтает, чтобы кто-нибудь её увёз, изнасиловал и бросил, а она страдала.

В **пятой** главе **пятой** книги Достоевского, в **пятом** параграфе, который называется “Великий инквизитор”, происходит диалог между человеком, похожим на Иисуса, появившемся посреди мрачного средневековья, чтобы облегчить участь тех, кого сжигают в его имя и во имя христианской веры. Великий инквизитор, приводящий в исполнение все эти казни арестовывает Иисуса и сажает его в тюрьму. Там он популярно и ясно объясняет собеседнику, что тот самый большой враг религии и веры и что его нужно сжечь первым. Как он смел появиться и пожелать добавить несколько слов к тому, что уже сказал ранее? Вместе с тем в поэме Иисус полностью безмолвен. Инквизитор защищает спокойствие построенного им мира и не хочет, чтобы свободная мысль или свободные поступки ожившего кумира разрушили всю систему. Однако сам факт возможности кумира вмешаться в жизнь и заявить о себе говорит о принципиальной брэнности спокойствия мира инквизитора. Вместе с этим в самом конце поэмы, Инквизитор сам нарушает свой закон и благоразумие просто отпуская собеседника на тёмные стогна града, оставляя за ним самим право решить, что же ему делать дальше. Нежелание кумира оставаться мёртвым идолом может стать решающим фактором в принятии решения. Владимир Высоцкий так описывает аналогичную ситуацию в стихотворении “Памятник”:

Командора шаги злы и гулки.
Я решил: как во времени оном –
Не пройтись ли, по плитам звеня?
И шарахнулись толпы в проулки,
Когда вырвал я ногу со стоном
И осыпались камни с меня.

Эпиграфом к пятой главе “Евгения Онегина” Пушкин взял цитату из поэмы Жуковского “Светлана”, вольного переложения стихов немецкого поэта Готфрида Бюргера “Ленора”. В оригинальном варианте к девушке возвращается её жених и увозит с собой на лошади. Однако,

он оказывается мертвецом и в конце концов загоняет девушку в гроб. В “Светлане” девушке всё это лишь снится. В конце концов она просыпается и к ней приезжает живой суженый. Эпиграф к пятой главе:

О, не знай сих страшных снов,
Ты, моя Светлана!
Жуковский

В пятой главе “Евгения Онегина”, Татьяна видит сон, где Евгений предстаёт в виде дьявола на пиршестве уродских созданий, а в конце убивает Ленского. Правда Ленский в конце концов гибнет и в реальности пушкинского романа.

На именинах Татьяны, Онегина сажают напротив неё поскольку “так должно быть”, но Онегин не хочет идти на поводу у толпы и обижается на Ленского, что тот пригласил его в неуместное собрание. И безобидная шутка с приятелем в конце концов оборачивается страшной трагедией. Любая дуэль происходит в нарушение закона хлебов для защиты различных моральных ценностей. В неживой природе аналога “дуэли” найти нельзя.

Самой известной ролью Владимира Высоцкого в театре на Таганке был шекспировский “Гамлет” в интерпретации режиссёра Любимова. Этот Гамлет необязательно принц Датский. Он мог жить, как пояснял сам Высоцкий и тогда и сейчас, и проблемы которые ставились в спектакле, могли быть одинаково актуальны в любое время. В спектакле звучали стихи Пастернака и его переводы

Быть или не быть, вот в чем вопрос. Достоин ль
Смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед

Любая революция как сознательное и неизбежное, хотя иногда очень драматическое и разрушительное событие является проявлением “пятой темы”. Наиболее отчётливо это можно увидеть во время бескровной революции, такой как например, развал международной коммунистической системы. При детальном рассмотрении революционного процесса оказывается, что это всего лишь логичное следствие развития общества. Зарождающиеся новые силы и отношения не способны ужиться со всеми пережитками мироустройства накопившимися в результате развития по закону хлебов или авторитаризма. На любого революционера “направлен сумрак ночи тысячью биноклей на оси”, однако избежать качественной перестройки всего жизненного уклада обыкновенно не представляется возможным.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА.

Последние три главы “Евгения Онегина” имеют гомологию с тремя книгами Льва Толстого. Теперь главный акцент с проблем отдельной личности смещается на общества и цивилизации. В восьмой главе, одним из авторов, которого перечитывал Онегин, был немецкий философ истории Иоганн Гердер. Гердер считал, что любое

общество или цивилизация подобно индивиду. Как любой человек, общество может иметь свою уникальную самобытность, оно переживает периоды молодости и дряхлости. В книге “Идеи к философии истории человечества. Часть третья.”, Гердер пишет:

Генетический дух, характер народа — это вообще вещь поразительная и странная. Его не объяснить, нельзя и стереть его с лица Земли: он стар, как нация, стар, как почва, на которой жил народ.

Но цивилизации способны и умирать. Крушение всего античного мира вместе с Западной Римской Империей, причём на вершине своего могущества, и последовавшей за этим тысячелетней историей мрачного средневековья кажется странным и удивительным. Э. Гиббон, например, считал одной из непосредственных причин падения Римской империи распространение христианства. Действительно, когда основные принципы по которым живёт общество девальвируются под воздействием новой идеологии, вся система становится нежизнеспособна. Именно так развалилась империя СССР и социалистическая система экономики после того, как были освобождены капиталистические отношения, сдерживавшиеся до этого авторитарными и силовыми методами.

Русскому историку и этнографу Льву Гумилёву принадлежит достаточно спорная теория о “пассионарности”. В процессе этногенеза каждое общество проходит несколько последовательных стадий от зарождения до гибели. По Гумилёву шестой высший уровень пассионарности характеризуется способностью пожертвовать собственной жизнью во имя великой идеи из этого цивилизации рождаются. Пятый уровень — человек способен рисковать собственной жизнью, однако идти на верную смерть неспособен. На нулевом уровне члены сообщества простые обыватели, не способные ни на какие действия, изменения и сливаются со средой. Пассионарным толчком Гумилёв называл микро мутацию приводящую к возникновению нового этноса. Так, “советский народ” возник как результат серии русских революций, а Соединённые Штаты Америки после победы в войне за независимость от британской короны.

Три последние главы Евгения Онегина и соответственно романы Льва Толстого по отношению к этногенезу можно назвать “Рождение”, “Жизнь” и “Смерть”.

Шестая тема. Рождение.

К шестой главе “Евгения Онегина” Пушкин взял на первый взгляд очень странный эпиграф, из канцоны XXVIII Петрарки “На жизнь мадонны Лауры”, стихи 49-51, связанный с тематикой крестовых походов.

Там, где дни облачны и кратки,
родится племя, которому умирать не больно.
Петрарка.

Эпиграф о рождении нового народа включён в главу, где главной темой является смерть поэта. Шестая стадия

пассионарности по Гумилёву включает жертву своей жизнью во имя великой идеи. Героическая гибель Иисуса в начале нашей эры повлекло за собой создание христианской цивилизации. А, кстати, можно ли переступить “через иные препятствия” для достижения великих целей? Как показано далее в “Евгении Онегине”, поэт Ленский был вскоре забыт и ничего нового не возникло. Кстати, “шестая заповедь” в Библии гласит “Не убий”. В шестой день творения по Библии, бог создал человека.

Смерть Ленского происходит на следующий день после именин Татьяны. В окончательном варианте романа, именины проходят в субботу, а смерть поэта в воскресенье. Хронологически считается, что это должен был быть 1821 год, когда Татьянины именины 12 января приходились на среду. Однако в черновиках, Пушкин упорно хотел перенести эти именины на четверг, хотя и слово “среда” могло быть вполне в рифму. В одном из исправленных черновиков читаем:

Да что? — какой же я болван —
Чуть не забыл — в четверг ты зван

“Четверг” сохраняется в одном из вариантов беловой рукописи, где читаем:

Ты зван в четверг на именины...

Здесь вполне можно было написать “чуть не забыл — ты в среду зван” и “ты в среду зван на именины”. Если это был четверг, тогда смерть поэта приходится на пятницу. Что можно ассоциировать со “страстной пятницей”, а Татьянины именины со страстным четвергом или тайной вечерей. Подобие тайной вечери в убогом шалаше посреди леса, Татьяна видит в своём сне. Нужно также отметить, что если по Юлианскому календарю, по которому и ныне живёт православная церковь, именины Татьяны были 12 января, то по Григорианскому календарю это соответствует 31 декабря, то есть фактически Новому году. Тогда по новому стилю все события дуэли это ещё одна новогодняя сказка.

Во все времена новое должно завоёвывать себе право на жизнь, поскольку старый мир обыкновенно не сильно торопится принять нового члена в свои объятия. Многие христианские истории рассказывают о страданиях и лишениях первых христиан за право исповедовать новую религию. После зачатия нового человека, его зародыш долгое время находится под максимальной защитой в организме матери, включая защиту и от самой матери, иммунная система которой может быть беспощадна к любому инородному антигену.

Шестой главе “Евгения Онегина” должно соответствовать всё творчество Михаила Юрьевича Лермонтова. Широкую известность ему принесло стихотворение “На смерть поэта”, за которое он был сослан в Нижегородский полк. Многие детали смерти Пушкина в точности повторяли гибель Ленского. В обоих случаях поэты погибли на дуэлях, общество оказалось совершенно равнодушно

к происходящему и “для потехи раздувало чуть затаившийся пожар”, а души поэтов – Пушкина и Ленского не смогли стерпеть “позора мелочных обид”.

Три главных произведения Лермонтова рассказывают о трёх различных смертях. В поэме “Мцыри” молодой юноша, из которого пытались сделать церковного послушника гибнет сразившись с диким зверем, в одиночку убежав из монастыря на свободу прямо перед тем, как принять монашеский обет. В своей исповеди он объясняет, что готов отдать всё за свободу, “сияние голубого дня” и “душистый свежий воздух”. Эпиграф к “Мцыри”, взят из Первой Книги Царств Библии. Сын царя Саула Ионафан объясняет, по какой причине должен умереть – проявив немного вольности. История Мцыри перекликается с историей испанца из книги Чарльза Метьюрина Мельмот Скиталец и возможно объясняет реальную причину по которой в Иудее погиб исторический Иисус.

Над поэмой “Демон” Лермонтов работал десять лет. Из-за цензуры произведение долгое время не печаталось и распространялось только в списках. Всего, по данным исследователей, насчитывается восемь авторских редакций “Демона”. Сюжет в общем напоминает бюргеровскую Ленору. Грузинская княжна Тамара ждёт своего жениха, но тот застрелен “злой пулей осетина” и к девушке, как и в поэме Бюргера, на коне приезжает мертвец. В конце концов Тамара погибает.

Чей конь примчался запалённый
И пал на камни у ворот?
Кто этот всадник бездыханный?
Хранили след тревоги бранной
Морщины смуглого чела.

...

Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал...

Эта тема может быть отображена на гибель народа, создавшего христианство. Религия в конце концов досталась Римской империи. Иудеи же проигнорировали христианство и поэтому не они были этим погибшим или заснувшим народом. Возможно даже это был не народ, а социальная прослойка – например одна из иудейских диаспор Египта. Вдогонку за погибшим реальным человеком возникла религия сделавшая его неземным созданием. Разбойники нападают за жениха Тамары по наущению Демона, решившего занять его место. Девушка, как будто во сне, слышит голос незнакомца, призывающего не печалиться о погибшем женихе.

Но мысль её он возмущил
Мечтой пророческой и странной.
Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К её склонился изголовью;

...

То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик — о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет!..

Несмотря на множество осаждающих Тамару завидных женихов, она уходит в монастырь. Но и в обители таинственный незнакомец не оставляет девушку регулярно к ней являясь. Демон уверяет, что здесь, на земле, построит для неё пышные — из бирюзы и янтаря — чертоги, а потом возьмёт её в надзвёздные края и сделает царицей небесной. Согласие Тамары означает её смерть.

Но смерть или “успение” Татьяны напоминает то, что случилось в сказке Пушкина о “Мёртвой царевне и семи богатырях”. В гробу Тамару одевают в праздничную одежду как в дни веселья. По прошествии многих дней после смерти тление её не трогает:

И ничего в её лице
Не намекало о конце
В пылу страстей и упоенья;
И были все её черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор чуждой выраженья,
Лишённой чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши, по её устам.

Проходит много времени, гробница и храм выстроенный над могилой Тамары ещё существуют,

Но над семьёй могильных плит
Давно никто уж не грустит.
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

Это тоже напоминает сказку о “Мёртвой царевне” – только ветер может рассказать о месте, где спит девушка...

Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места...

В романе “Герой нашего времени” конец Печорина тоже очень печален. Полностью разочаровавшийся в жизни, уезжая в Персию, он выкидывает все свои дневники за ненадобностью. Таких людей если они не кончают жизнь самоубийством, смерть скоро находит сама. Рассказчик в романе, которому достались записки, объясняет:

Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер. Это известие меня очень обрадовало: оно давало мне право печатать эти записки, и я воспользовался случаем поставить имя над чужим произведением.

На первый взгляд Онегин и Печорин очень похожи – оба пишут дневники, пользуются большой популярностью у женщин и обоих можно отнести к классу “байронических персонажей”. Если сквозь Мцыри слышится музыка “Шильонского узника”, то в Печорине чувствуются оттенки Гюга, Конрада и Селима. Пушкинский Онегин – это вариации на темы Чайльд-Гарольда. Однако несмотря на кажущуюся схожесть, Печорин диаметрально противоположен Онегину по психологическому типу – “как лёд и пламень”.

Онегин – это холодный аналитик. Он даже женщин завоёвывает по науке Назона. Презирая окружающее его общество, он ко всему относится рассудительно и рационально. Его душевное спокойствие смогла пошатнуть лишь Татьяна, своим отказом оскорбившая его самолюбие в восьмой главе. В ненаписанной девятой главе Онегин должен был путешествовать как Чайльд-Гарольд анализируя мировые проблемы, а в десятой, вернувшись, возможно даже примкнуть к декабристам. Печорин чувствителен и эмоционален до уровня, граничащего с маниакально-депрессивным синдромом. Максим Максимович так описывает эту особенность.

Славный был малый, смею вас уверить; только немножко странен. Ведь, например, в дождик, в холод целый день на охоте; все иззябнут, устанут – а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнет, уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на кабана один на один; бывало, по целым часам слова не добьешься, зато уж иногда как начнет рассказывать, так животики надорвешь со смеха...

Как и Онегин, Печорин не любит общество и крайне эгоистичен, однако холодность Онегина состояние вполне нормальное и естественное, Печорин постоянно хочет чтобы в его крови кипел огонь. И в очередной раз убедившись, что окружающий мир не стоит этого огня, он впадает в глубокую депрессию. Именно эта депрессия служит причиной его ранней гибели.

Реальным человеком, которого волновали те же проблемы, что и Печорина, я бы назвал Сергея Есенина. В масштабе многотысячелетней истории человечества, его вполне можно назвать “Героем нашего времени” и если бы я стал детально анализировать этого русского поэта, то произведение Лермонтова был бы очень кстати. По крайней мере смерть в результате глубокой депрессии у обоих почти идентична. У Онегина такого хорошего примера из реальной жизни я найти не могу. Самым близким к нему я бы назвал Клима Самгина из книги Максима Горького, но это опять же литературный персонаж, а не живой человек. Онегин – это скорее концепция, идея, а не её реальное воплощение.

Параллели к “Воскресению” Толстого тут не столь очевидны. Эпиграф к шестой главе “Евгения Онегина” пророчествует о рождении нового народа, но может быть этот новый народ – это воскресение чего-то давно умершего, тем более что эпиграф взят из стихов на темы крестовых

походов. Стихи Лермонтова полны отчаяния и гнева. Чего только стоит одна фраза “Прощай немая Россия”. В стихотворении “Ликует буйный Рим”, вольного перевода отрывка из байроновского Чайльд-Гарольда, Лермонтов рисует умирающего гладиатора – “минутную забаву бесчувственной толпы”. У меня сразу приходит на ум зал суда где Катерине Масловой, обвинённой в убийстве, которого она не совершала, зачитывают приговор. Герой Лермонтова, как и Маслова Толстого – это изгой общества, который никогда не станет его частью и не получит ничего в ответ кроме равнодушия и презрения. Лев Толстой с абсолютным реализмом в романе “Воскресенье” рисует, как общество относится к чуждым ему элементам. Волею судьбы, после того, как дворянин Нехлюдов развлёкся с девушкой, а потом бросил, она становится проституткой, а значит для общества теряет всё человеческое обличье. Так добропорядочные граждане смотрят на представителей сект или учений, отличных от господствующей. Так добропорядочный Рим смотрел на первых христиан. Кстати первые массовые гонения на христиан возникли после того, как Нерон обвинил их в Римском пожаре, случившемся в июле 64 года, который они не совершали. Тацит описывал это так:

Нерон закрепил вину и применил самые изощренные пытки к классу, ненавидимому за свои мерзости, называемому населением христианами. Христос, от имени которого произошло это имя, во время правления Тиберия подвергся суровому наказанию со стороны одного из наших прокураторов, Понтия Пилата, и весьма озорное суеверие, которое на данный момент было остановлено, снова вспыхнуло не только в Иудее, первый источник зла, но даже в Риме, где все отвратительное и постыдное со всех концов света находит свой центр и становится популярным. Соответственно, сначала были арестованы все, кто признал себя виновным; затем, по их информации, огромное множество людей было осуждено не столько за преступление поджога города, сколько за ненависть к человечеству.

Катерина Маслова не была полностью реабилитирована за несовершенно ею убийство, а получила лишь послабление приговора по ходатайству “высочайшего имени”. В конце романа она направляется на поселение в сопровождении революционера с еврейской фамилией “Симонсон”. Нужно отметить, что еврейские фамилии в произведениях Толстого встречаются не часто.

Шестая глава заканчивает первую часть “Евгения Онегина”. Фраза “Так полдень мой настал” взята из книги пророка Исайи. Свою молитву Езекия, царь иудейский, произносит во время смертельной болезни. Почему он “в преполовение дней своих должен идти во врата преисподней”? После встречи с пророком Исайей, Езекия благополучно выздоравливает. Пророк Исайя этот тот самый пророк, который предсказал появление “сына божия на земле”. В поэме Жуковского “Двенадцать спящих дев”, вариации на тему “Фауста” Гёте, Громобой встретился с Асмодеем, лукавым бесом в образе старика с шершавой

бородой и блестящими глазами и тот предложил ему заключить договор – продать свою душу за “честь и много золота”. Выбирая между смертью и договором, Громобой выбирает договор. В конце шестой главы “Евгения Онегина”, автор прощается с юностью и пускается “в новый путь от жизни прошлой отдохнуть”.

В соответствии с гипотезой о реинкарнации – любая смерть означает новое рождение или воскресение в новую жизнь. Действительно, смерть существует только с точки зрения провожающих человека родственников и знакомых. В системе отсчёта времени самого человека смерти не существует вообще. Закрыв глаза в одной жизни он тут же открывает их в новой, хотя при этом на Земле могло пройти тысячи лет. И с этой точки зрения “Смерть” и “Воскресенье” тождественны и любое произведение, замкнутое на себя в кольцо, должно так или иначе символизировать эту идею.

Седьмая тема. Противоречия развития.

К седьмой главе “Евгения Онегина” Пушкин предположил сразу три эпиграфа и все о Москве. Третий эпиграф взят из “Торя от ума” Грибоедова. Чацкий возвращается к своей невесте Софье, но его острый ум и противостояние обществу ей не по нраву. Она гневному Чацкому предпочитает безликого Молчалина, который значительно лучше адаптирован к жизни в московском обществе.

Гоненье на Москву! что значит видеть свет!
Где ж лучше?
Где нас нет.
Грибоедов.

Отвечая так Софье, Чацкий фактически объясняет, что увидев свет, он полагает что везде всё одинаково. В конце пьесы Грибоедова, Софья разносит слух о том, что Чацкий сошёл с ума и тот со словами “карету мне, карету” решает навсегда покинуть Москву. Позиция Софьи строго подчиняется “закону хлебов”. Как сказал Булат Окуджава:

Дураком быть выгодно, да очень не хочется.
Умным очень хочется, да кончится битьём.

Второй эпиграф взят из стихотворения Баратынского “Пир”. В безжизненные лета остывшая душа согревается лишь “живым утешением пиров”. Подобно Валтасару, Вальсингам из “Пира во время чумы” с грустью замечает, что дома сейчас печальны. Действительно, если люди могут принять только хлеба, чудо и меч кесаря, то пусть подавятся.

Прекрасно лирою своей
Добиться памяти людей;
Служить любви еще прекрасней,
Приятно драться; но ей-ей,
Друзья, обедать безопасней!
...
И начались чудеса...
Баратынский “Пир”

Первый эпиграф взят из стихотворения Дмитриева “Освобождение Москвы” об изгнании поляков из Кремля русским народным ополчением в конце “смутного времени” и избрании на царство первого царя из новой династии Романовых.

Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?
Дмитриев.

В связи с низкой художественной ценностью и отсутствием объективной исторической правды, Набоков называет это произведение “ничтожным”. Аналогичное псевдоисторическое творение, созданное Сергеем Александровичем Ширинским Шихматовым, сам Пушкин характеризует так:

Пожарский, Минин, Гермоген,
или Спасенная Россия.
Слог дурен, темен, напыщен —
И тяжки словеса пустые

Писатель Вячеслав Николаевич Козляков, сегодня самый авторитетный историк смутного времени, в книге “Герои смуты” подчеркнул, что образы главных участников событий того времени у многих связываются не с реальными людьми, жившими в прошлом, а с памятником Минину и Пожарскому на Красной площади. Реальный князь Пожарский был отнюдь не “медным князем в классицистической римской тунике”, как он изображён на памятнике. Согласно историческим сведениям, Пожарский был вначале одним из приближённых Бориса Годунова, потом активно поддерживал Лжедмитрия, состоял на службе у Василия Шуйского, поддержал семибоярщину и выступал за призвание на русский трон не только польского царевича Владислава, но и австрийского принца “цесарева брата Максимилиана”. На прямой вопрос посла Юсуфа в Ярославле “похотят” ли выбрать Максимилиана на Московское государство, князь Дмитрий Пожарский ответил, что “принца примут с великою радостью”. В составе второго ополчения, куда он был призван для общего руководства, выступил за поставление на трон одиннадцатилетнего шведского королевича Карла Филиппа и только после того, как возникла идея об избрании на трон Михаила Романова, поддержал в конце концов вместе за всеми и эту идею. С точки зрения исторической науки, князь Пожарский не может быть назван “героем” чего бы то ни было и никак не подходит на символ освобождения Москвы.

Таким образом, первый эпиграф к седьмой главе “Евгения Онегина” противопоставляет “нас возвышающий обман” “тьме низких истин”. Второй эпиграф “хлеб земной” “хлебу небесному”. Третий эпиграф “сердце мудрых” “сердцу глупых”. И всё это организовано вокруг города Москвы, в контексте единственно сравнимого с древним Иерусалимом.

В седьмой главе в конце концов, Татьяна очень выгодно выходит замуж, значительно повышая при этом свой социальный статус. Благодаря этому и возможно только

этому она становится способной отплатить Онегину тем же самым способом, которым он поучал её в деревенской тиши: холодным рассудком. Как объяснял Великий Инквизитор в книге Достоевского “Братья Карамазовы”, христианство единственно могло возникнуть благодаря следованию принципам “хлебов”, “чуда” и “меча кесаря”.

Ищет человек преклониться пред тем, что уже
бесспорно, столь бесспорно, чтобы все люди разом
согласились на всеобщее пред ним преклонение.

Но какими свойствами должен был обладать народ, способный так дружно и едино преклониться перед новой истиной? С точки зрения этногенеза, народ это единый сложный организм, у которого свой особенный психологический портрет. И его значительные преимущества в одном могут стать страшными недостатками в другом. Народ, в котором так сильны центристские тенденции к сцеплению, “сцепифика”, способен побеждать самые сильные армии мира одним только единством, принимать новую веру, как один и в то же время ради веры истреблять в свих рядах миллионы невинных жертв репрессий. И если найти лучшую книгу, описывающую психологический характер и уникальные особенности российского народа, то это “Война и мир” Льва Толстого.

По моему мнению значительная часть философии произведений Льва Толстого имеет много общего с китайской философией. На основании созданного писателем можно проиллюстрировать понятия книги “Дао де цзин” и единство Инь-Ян. Например, почему жесткие ветви деревьев под тяжестью снега ломаются, а гибкие лишь временно изменяют свою форму, но в конечном итоге возвращаются в исходное положение. Наиболее ярким примером такой гибкости является в его романе “Война и мир” описание отечественной войны 1912 года, когда несмотря на необходимость сдачи Наполеону Москвы и при ни одном выигранном сражении, французская армия была полностью уничтожена. Стратегия отступления Кутузова объясняет один из важнейших принципов даосизма – бездействие.

В седьмой главе Евгения Онегина, Татьяна выходит замуж за нелюбимого ею толстого генерала, имеющего большой вес в обществе. Получив при этом положение в свете и способность достойно рассчитаться с Онегиным, она при всём при этом остаётся по своей сути той же самой Татьяной, увлекавшейся в деревенской глуши сказками и страшными романами.

Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,

Писателем, который очень остро показал многие отрицательные стороны общества, как единого организма и считался истинным знатоком русского характера был

Гоголь. В пьесе “Ревизор” появление молодого человека, принятого за важную персону из столичного Петербурга, наглядно демонстрирует принципы, по которым живут многие люди. Одним из примеров такого “лже-ревизора” можно назвать идеологию, принятую в социалистическом СССР после революции 1917 года. События времён “Перестройки” и после показали кто же в действительности был принят за “важного чиновника”.

Восьмая тема. Смерть.

Книга Льва Толстого “Анна Каренина” описывает трагическую смерть молодой женщины. Фактической причиной её смерти стала любовная связь с офицером приведшая к неразрешимому конфликту в её семье и в обществе. Эпиграфом Лев Толстой взял цитату из “Послания к римлянам” Нового завета. Фраза “Мне отмщение и аз воздам” прямо повествует о том, что мстить Риму не стоит, его гибель придёт свыше. Как собственно и случилось. Если роман “Воскресенье” можно ассоциировать с возникновением христианства в среде иудо-христиан, а “Войну и мир” с особенностями общества, которое его развило, то книга “Анна Каренина” объясняет причины падения Рима, принявшего чуждую ему идеологию. Именно такую причину падения Рима называл Гиббон. Есть очень хорошая историческая аналогия. Гибель СССР произошла после введения Михаилом Горбачевым частного предпринимательства, полностью дискредитировавшего коммунистические принципы, которыми жила социалистическая страна. Капиталистические отношения для СССР были аналогичны Вронскому для Анны Карениной, а её муж Алексей Александрович Каренин оказывается пародией на государственную идеологию СССР прямо перед распадом.

Онегин перед Татьяной в восьмой главе “Евгения Онегина” возникает так же как и Вронский перед Анной. Теперь Татьяна жена генерала и если бы она поступила, как и Анна у Толстого, то возможно её тоже ждал бы печальный конец. Толстой рисует ситуацию, что могло случиться если бы Татьяна не ответила Онегину отказом. Татьяна в восьмой главе говорит Онегину:

Как с вашим сердцем и умом
Быть чувства мелкого рабом?

Но что же делать, если народы и цивилизации очень часто являются рабами мелких чувств, очень легко верят Хлестаковым и становятся жертвами проделок Чичиковых?

Одной из центральных линий в книге Михаила Булгакова “Мастер и Маргарита” была измена замужней женщины с молодым писателем и последующее её решение заключить контракт с дьяволом, полетать немного на метле и стать королевой на бале у сатаны, чтобы тот вернул ей любимого Мастера. В реальной жизни женщина умирает. В другом же измерении, сатана увозит Маргариту и Мастера в сад вечного счастья, где они должны обрести вечный покой. Помимо этого, целью посещения

коммунистической Москвы у сатаны было провести “сеанс чёрной магии с её разоблачением”. Вначале людям раздавали бесплатные вещи, а потом, когда вещи исчезали, люди бегали голыми по улицам. Это напоминает ситуацию с гоголевским “Ревизором”. У Булгакова роль ревизора достаётся Воланду.

В одной из последних сцен романа, Воланд сидит на крыше дома Пашкова в Москве, нынешней Российской государственной библиотеки, ранее носившей имя Ленина и восклицает: “Какой интересный город, не правда ли?”. Азазелло замечает, что ему больше нравится Рим. Прямо перед Воландом среди “необъятного сборища дворцов, гигантских домов и маленьких, обреченных на слом лачуг” располагаются руины снесенного храма Христа Спасителя. Если провести аналогию с пушкинским “Медным Всадником”, где Евгений сидит на развалинах второго Исаакиевского храма, то сатана находится на месте Медного Всадника, памятника Петру I. Позже, вся свита Воланда скачет по небу на лошадях. Коровьев-Фагот “скакал, тихо звеня золотою цепью повода”, на ботфортах Мастера сверкали “потухающие, то загорающиеся звездочки шпор”. Колоритнее всего был сам сатана, как “страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия”:

И, наконец, Воланд летел тоже в своем настоящем обличье. Маргарита не могла бы сказать, из чего сделан повод его коня, и думала, что возможно, что это лунные цепочки и самый конь – только глыба мрака, и грива этого коня – туча, а шпоры всадника – белые пятна звезд.

Эпиграфом к восьмой главе “Евгения Онегина” Пушкин взял строки из стихотворения Байрона “Fare thee well”, посвящённое разводу Байрона с своей женой Аннабеллой Мильбанк. Аннабелла была женщиной жёстких правил. Она хотела видеть в своём муже лишь идеал добродетели. Реальный и живой Байрон Аннабелле был враждебен. Когда мёртвое и живое встречаются всегда возникает “раскол”. Нужно вспомнить “пропахшего старца” из романа Достоевского “Братья Карамазовы”. Прижизненная святость старца является свойством мёртвым и жёстким. Тлетворный запах мёртвого тела является свойством живым и естественным, а поэтому уничтожает “мёртвую святость”. После смерти старец своим запахом как бы говорит своим почитателям: “Fare thee well”.

Для этой статьи я взял эпиграфом строки из песни Андрея Макаревича “Хрустальный город”. Моим главным предположением является гипотеза о том, что вся русская классическая литература представляет собой одно большое расширенное эссе одного автора на свободную тему. При этом автор, как бы его не называли – “высший разум”, “бог”, “иной разум”, Солярис или ещё как, предстаёт в своём реальном и живом образе. Этот образ может не понравится тем, кто привык видеть и трактовать его в ином свете. Однако вместе с прощанием, эпиграф Пушкина к восьмой главе даёт возможность на позитивный исход. Это не окончательное прощание. Если

читатель поймёт и примет автора в своём реальном виде, это может стать основой для самого *новейшего завета*, ну или достойного залога дружбы.